

RU

## Жанр хокку в чувашской поэзии

Софронова И. В., Владимирова О. Г., Корнилов Г. Е.

**Аннотация.** Цель исследования – выявление национальных особенностей жанра хокку в чувашской поэзии на основе исследования произведений П. Эйзина, С. Азамат, А. Сосаевой и Н. Мордякова. В статье рассмотрены поэтические, жанровые, образные особенности трехстиший чувашских авторов, соответствующие традициям японского хокку. Научная новизна работы проявляется в проведении историко-литературного обзора процесса освоения жанра хокку в чувашской поэзии. В результате исследования выявлено, что на протяжении развития чувашской литературы воспроизведение традиций хокку идет от стилизации к написанию «истинных» хокку, т. е. соблюдению формальной и содержательной сторон жанра. Если вначале авторы увлечены возможностью выразить глубокий смысл в небольшом количестве слов, уделить внимание содержательной стороне, то со временем они соблюдают основные каноны жанра: в трех строках и семнадцати слогах выражают единство противоположных понятий, моменты из жизни и времен года, произведение строится на именных словах. Проявлением национального является использование фольклорных образов, усиливающих ассоциации, упор на семантику слова. Анализ трехстиший авторов проводится с позиции выявления в них неожиданного финала, демонстрации любования красотой, выражения светлой грусти.

EN

## The haiku genre in Chuvash poetry

I. V. Sofronova, O. G. Vladimirova, G. Y. Kornilov

**Abstract.** The research aims to identify the national characteristics of the haiku genre in Chuvash poetry based on a study of the works of P. Eyzin, S. Azamat, A. Sosaeva, and N. Mordiyakov. The article examines the poetic, genre, and figurative features of the three-line verses of Chuvash authors that correspond to the traditions of Japanese haiku. The scientific novelty of the work is manifested in conducting a historical and literary review of the process of mastering the haiku genre in Chuvash poetry. As a result of the research, it was revealed that throughout the development of Chuvash literature, the reproduction of haiku traditions goes from stylization to writing “true” haiku, that is, observing the formal and substantive aspects of the genre. If at first the authors are passionate about the possibility of expressing deep meaning in a small number of words, paying attention to the content side, then over time they observe the basic canons of the genre. That is, in three lines and seventeen syllables, they express the unity of opposite concepts, moments from life and seasons, and such works are based on noun words. The manifestation of the national is the use of folklore images, enhancing associations, and emphasis on the semantics of the word. The analysis of the three-line verses of the authors is carried out from the position of identifying in them an unexpected ending, demonstrating admiration for beauty, and expressing light sadness.

### Введение

Актуальность данного исследования вызвана возрастанием интереса к проблеме влияния и распространения поэтики восточных литератур в российской, чувашской поэзии. Распространение традиций японского жанра хокку наблюдается в татарской, удмуртской, марийской, бурятской литературах. В переходные периоды развития чувашской литературы, в 60-х, 90-х годах XX века, 2010-х годах, в поисках новых форм и жанров поэты обращались к традициям восточной поэзии. Литературная трансформация проходила на основе «встречного течения», сочетания жанровых традиций хокку с поэтикой малых жанров чувашского фольклора. Выявление индивидуальных особенностей трехстиший в творчестве определенных авторов способствует не только раскрытию их художественного мира, но и постижению своеобразия процесса распространения восточных поэтических форм в чувашской литературе, решению вопросов компаративистики.

В ходе работы предполагается решение следующих задач:

- выявить соответствия жанровым и поэтическим особенностям японского хокку трехстиший чувашских поэтов;

- определить уровень воспроизведения восточного жанра, что проявляется в стилизации и создании «истинного хокку»;
- изучить причины, побудившие чувашских поэтов обратиться к восточному жанру.

В работе использованы структурно-описательный и сравнительно-типологический методы исследования. Структурно-описательный метод способствовал выявлению и описанию формальных и жанровых черт японского хокку в творчестве чувашских поэтов; сравнительно-типологический метод позволил выявить национальные и авторские черты в чувашских трехстишиях.

Материалом для исследования послужили трехстишия-хокку, написанные на чувашском языке. Поэты Петр Эйзин (род. 1943), Светлана Азамат (род. 1952), Алина Сосаева (1963-2022), Николай Мордяков (род. 1958) являются представителями трех поколений в чувашской литературе – 60-х, 90-х и 2000-х, – что повлияло на характер воспроизведения восточного жанра и его содержание. Краткостишия авторов были опубликованы в поэтических сборниках и журнале «Тăван Атăл» («Родная Волга»). Нужно сказать, что некоторые признаки восточной поэзии есть и в стихотворениях В. Сергеева, С. Сатура, ждут своей оценки трехстишия М. Карягиной, И. Дмитриева-Трэра, Ю. Сан.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные изучению вопросов компаративистики и жанрологии отечественных и региональных исследователей. По вопросам жанровой структуры японского хокку мы опирались на теоретическое исследование С. Н. Бройтмана (2004). Проблеме распространения восточной поэтики и вопросам сравнительно-типологического литературоведения посвящены работы региональных исследователей: А. П. Хузангая (1987), Д. Ф. Загидуллиной (2020) и В. Л. Шибанова (2022). Изучению поэтики жанровых образований в современной национальной поэзии посвящены монографии Р. А. Кудрявцевой, Н. Н. Старыгиной, Н. И. Любимова, К. Г. Никифоровой (2022), И. С. Кадочниковой (2021). Особенности творчества выбранных нами поэтов рассматриваются в научных трудах Н. Г. Ильиной (2013), В. В. Никифоровой (2018).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в вузах при изучении филологических дисциплин, а именно литературы народов России, теории литературы. Кроме того, результаты исследования могут быть применены в научных разработках при изучении вопросов сравнительно-типологического литературоведения и жанрологии.

## Обсуждение и результаты

В чувашском литературоведении вопрос проникновения традиций японского хокку до настоящего времени не был специально изучен. Есть работы А. П. Хузангая (1987, с. 85-88), в которых он выявляет черты японской поэзии в творчестве П. Эйзина, подчеркивает их схожесть с поэтикой чувашских народных песен. Н. Г. Ильиной (2013, с. 64-79) символы и метафоры в краткостишиях того же поэта оцениваются как распространенная метафора, передающая душевное состояние человека эпохи застоя. Свободный стих в творчестве С. Садур исследователи характеризуют как проявление авангардного течения (Никифорова, 2018). Есть предисловия Н. Теветкеля (2005) к стихам А. Сосаевой, В. Станьяла (2010) к стихам С. Азамат, которые подчеркивают наличие словесного рисунка, лаконичности и недосказанности в краткостишиях.

Распространению и утверждению традиций трехстиший, близких к японскому жанру хокку, в чувашской литературе способствовало наличие традиций малых жанров в фольклоре. Кроме того, проявление традиций восточного жанра в творчестве П. Эйзина, С. Азамат, А. Сосаевой, Н. Мордякова является следствием преднамеренного интереса к нему, влиянием переводческой деятельности, атмосферы в стране и литературе. Поэты не посещали Японию, чтобы вдохновиться атмосферой и бытом восточной страны. В то же время у каждого поэта своя причина использования поэтики восточного жанра. П. Эйзин изучал особенности жанровой поэтики японской лирики, как и С. Азамат, и Н. Мордяков переводил стихи восточных поэтов. Языковед А. Сосаева хорошо знала строй и особенности чувашского языка, что повлияло, на наш взгляд, на создание «истинных» хокку.

Среди основных признаков японских трехстиший исследователи выделяют наличие семнадцати слогов в трех строках, использование сезонных слов, выражение единства противоположных понятий, сочетание словесного рисунка с другими видами искусства, изображение мимолетности жизни, изобилие мелких и незначительных деталей, необходимость особой концовки-завершения (коана), возможность мгновенного озарения (сатори) и описание светлой грусти (саби) (Бройтман, 2004, с. 194-200). На почве чувашской литературы жанр хокку получил «новый цикл развития в условиях новой культурно-исторической действительности: наполнился новым содержанием, сохраняя композиционную форму» (Аминева, Нагумнова, Хабибуллина, 2023, с. 141). В процессе заимствования чувашские поэты первоначально воспринимали тематику, образность японской поэзии и сочетали их с особенностями родного фольклора. При этом они не всегда стремились четко соблюдать форму, структуру композиции. Для них не являлось основополагающим строгое следование канонам жанра, чтобы мысль была выражена ровно в трех строках и семнадцати слогах. Главное – использование небольшого объема, отображение в нем душевного состояния или же глубокого смысла. Через восприятие восточных традиций поэты желали обогатить родную поэзию новыми жанрами, поэтическими традициями, по-новому выразить свои впечатления, размышления. Неслучайно и то, что проявление интереса к трехстишиям наблюдается в переходные периоды развития литературы, этапы поиска новых форм. Нужно отметить и тот факт, что П. Эйзиным стилизации под японские хокку были созданы в ранний период его творчества, а другие авторы подошли к ним уже в зрелом возрасте, имея достаточный жизненный и литературный опыт. С. Азамат и Н. Мордяков, к примеру, пришли в литературу в 90-х годах XX века, соответствующие сборники они опубликовали в 2010-х годах.

Проникновение традиций японской поэзии в чувашскую лирику происходило в несколько этапов и имело разноструктурный характер. Поэты 60-х годов XX века создают свободные стихи, которые по содержанию, а именно изображением малых, незначительных деталей, выражением единства хаоса и пустоты, наличием словесного рисунка, сочетанием красок, напоминают восточный жанр. «Восточность» более касается содержания, способа изложения мысли, нежели жанровых и формальных сторон трехстиший. В творчестве поэтов 2000-х годов наблюдается строгое соблюдение жанровых особенностей, а именно количества строк и слогов. В то же время выражение чувашских реалий, сочетание с фольклорными специфическими чертами продолжают оставаться основополагающим. Новым для трехстиший является непосредственное изображение отношений человека с обществом, нежели передача этого смысла через описание единства человека с природой.

Для П. Эйзина, поэта, начавшего творческий путь в 60-х годах XX века, восточная поэзия – источник вдохновения, способ своеобразно выразить свои мысли, переживания. В его лирике мы находим и сезонные слова, и изображение предметов и явлений на границе времен года, в межсостоянии. А. П. Хузангай (1987) выявляет в краткости стиха проявление интереса к восточным поэтическим традициям. «Его краткие стихотворные формы напоминают временами японские танка и хокку... Поэт, как бы интуитивно следуя традиции дзен, пренебрегает красками, напевами и шумами мира и предпочел “тайну тишины”» (Хузангай, 1987, с. 87). Своеобразные краткости П. Эйзина А. П. Хузангай называет пейзажами «отсутствия»:

Хёвел тухнине

чи малтан

йăмра тăрринчи хура курак

курать (Эйзин, 2003, с. 23). /

Восход солнца

самым первым

грач на вершине ивы

видит (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – И. С.).

Пейзаж «отсутствия» в данном случае выражается в отсутствии солнца, которое скоро должно появиться. Светлому и доброму образу противопоставлен по смыслу (цвету, размеру, месту обитания: небо – земля) образ грача. Как видим, в краткости нет соответствия формальным признакам хокку: трех строк, семнадцати слогов. Но эффект неожиданного конца присутствует: это образ черного грача. Как неотъемлемая часть деревенского пейзажа он вместе с ветлой у некоторых поэтов стал символом нации. В стихотворении он олицетворяет трудолюбие (*ир тăнă куракăн сăмси шурă пулать*. / у раннего грача клюв белый (пословица)). Если японские хокку в основном состоят из именных слов, то в данном примере глагол *курать* «видит» является смыслоносящим, завершает высказывание. В этом плане поэты старшего поколения верны традициям чувашского синтаксиса. Они чаще используют глаголы действия в краткости и свободном стихе.

В творчестве П. Эйзина есть примеры наблюдения за «таинственной, сокровенной красотой»:

Симёс калча çине

Шап-шурă юр çăвать (Эйзин, 2003, с. 64). /

На зеленую озимь

Падает белый-белый снег.

Рисунок передает межпограничное состояние в природе: конец осени начало зимы. Указание на зеленый цвет больше ассоциируется с весной, началом новой жизни. Сравнительная степень цвета белый *шап-шурă* (иссиня белый) передает протяженность снегопада, который продлится до весны. Белый снегопад приглушает насыщенность и шум зеленого цвета. Легкая грусть по поводу короткой жизни молодой поросли прочитывается в том, что предложение неэмоциональное. В стихотворении проявляется следующая особенность японской поэзии: когда смысл хокку каждый читатель воспринимает по-своему, в зависимости от своего жизненного и литературного опыта. Цвета белый и зеленый могут трактоваться совсем по-иному.

П. Эйзин постигал особенности японской литературы, возможно, и философских учений. Свои познания он умело сочетает с традициями чувашской народной песни, малых жанров фольклора. Для него не свойственно строгое следование формальным и композиционным особенностям восточной поэзии. Характерные для жанра хокку элементы композиции коан, саби и юген не всегда прочитываются вместе, реже встречаются по отдельности, поэтому его краткости представляют собой «стилизацию под восточные жанры» (Загидуллина, 2020, с. 69).

К японским трехстишиям С. Азамат пришла через поэзию большого объема, жизненный опыт и интерес к восточным традициям. Автор в образной и лаконичной форме описывает недостатки, преимущества, достоинства современного ей человека. Трехстишия создаются из именных слов, нераспространенных предложений. Они представляют собой описание картин природы, в них используются сезонные слова (снег, трава, насекомые и т. д.), существует немало образцов любовной лирики (Софронова, 2017, с. 56). Они, как и в японской поэзии, описывают разные периоды любовных переживаний: зарождение, горение, затухание чувства, воспоминание о возлюбленном. Во время зарождения и затухания чувства для лирической героини ощутимы и значимы невидимые порывы, изменения в округе, каждая мелочь и деталь. В то же время эти описания выглядят как общие слова или обобщение пережитого счастья или душевной боли, так как боль уже прошла:

Кăвайтне сўнтертём-халё,

Çунна лаптăкё сурать,

Ёнёк вырăн ыратать

(Азамат, 2010, с. 40). /

Костер я потушила, но,  
Обгоревший участок щемит,  
Горелое место болит.

Лирическая героиня описывает свое состояние после пережитых чувств, которые еще не перестали причинять боль. Стихотворение напоминает хокку лишь количеством строк, использованием метафоры костер. Первая строка является завязкой для последующих строк, которые раскрывают ее значение. Количество слогов в строках соответствует 8 – 7 – 7. Вторая и третья строки – это перечисление однотипных явлений, они имеют полную рифму, смещение двух- и трехсложного размеров. Усложнение стиха количеством слогов и размеров вызвано его содержанием, т. е. тяжестью боли. Неожиданный финал в тексте создается перенесением зрительных ощущений на тактильные: место костра воспринимается как ощущение от ожога на теле.

Среди трехстиший С. Азамат немало примеров, которые подобны развернутому высказыванию (поговорке), нравовучению, умозаключению по какому-либо поводу. В них нет противопоставления противоположных понятий, изображения отдельных рисунков природы, моментов из жизни. Лирическая героиня поучает читателя ходить прямой походкой, достойно вести себя в обществе, предвидеть последующие события, преодолевать жизненные трудности. Важно видеть не только то, что лежит под ногами, но и то, что на уровне глаз, т. е. ожидает тебя завтра. Такие примеры можно назвать чисто авторскими, а также национальными образцами трехстиший. В них воплощены народная мудрость, этнопедагогические ценности, благопожелания, размышления о социально-нравственных критериях. Для постижения глубины подобных произведений необходимы знания мировоззренческих особенностей чувашского народа.

Особого внимания заслуживают примеры, в которых С. Азамат старается показать красоту и глубину чувашского языка. Для этого она приводит сходные по смыслу слова к ключевому слову, которые позволяют показать широту его семантического поля и игру со смыслом:

Сăмаха – сыхма, ху́сма,  
Сўтме, явма, шёкёлчеме,  
Катма пёлни – аван  
(Азамат, 2010, с. 45). /  
Хорошо, когда умеешь слова  
Связывать, ломать, развязывать,  
плести, щелкать и раскалывать.

Стихотворение С. Азамат – это та же «стилизация» под хокку, где мысль излагается в трех строках, отсутствует привычная рифма. В тексте наслаиваются значения фразеологизмов и поговорок, в структуре которых есть компонент «слово». Они выражают разнообразные способы передачи мысли в зависимости от ситуации. Чередование мягкого и твердого вариантов аффикса инфинитивов создает ритмику и внутреннюю рифму стиха: сыхма, ху́сма, сўтме, явма, шёкёлчеме, катма (связывать, ломать, развязывать, плести, щелкать и раскалывать), что характерно для чувашских народных песен, текстов малого жанра фольклора. В подобных трехстишиях проявляется желание автора продемонстрировать богатство и многогранность языка, удивить неожиданными примерами сочетания слов, раскрыть при этом их новый смысл.

Языковед А. Сосаева проявила себя мастером трехстиший. Своеобразие ее творчества вызвано научной деятельностью. Работы в области языкознания предполагают использование точности в высказываниях, умозаключениях, поиск самососредоточенного слова. Свои научные труды она посвятила изучению особенностей чувашских топонимов. Ее трехстишия свидетельствуют о том, что выражение смысла в краткой форме становится предпочтительнее объемных текстов и научных статей.

Как и в японской поэзии, А. Сосаева использует образы природы, изображает нерасторжимое единство человека и окружающего мира на фоне круговорота времен года. Пафос ее трехстиший соответствует пейзажной лирике, она подробно изображает детали и предметы растительного мира. Рисунок природы передает душевное состояние, чувства лирической героини. Поэзия А. Сосаевой характеризуется немногословностью, строгим соблюдением традиций японского хокку. Это проявляется как в содержании, так и в форме стихотворений:

5 Эс сáлтáр. Ёáлт-ёáлт  
7 Тáвaтьчёрўсacсийё.  
5 Эпё пёлёт пуль.(Сосаева, 2005, с. 24). /  
Ты звезда. Ялт-ялт  
Стучит твоё сердце.  
Я, вероятно, облако.

В стихотворении улавливается любовная интонация: он недостижимый, яркий, она – мягкая, готовая оберегать его от жизненных проблем. Парное подражательное слово *йáлт-йáлт* (ялт-ялт) передает зримый образ, относящийся к звезде, а также и сердцебиению. Она ощущает его перемены чувств издалека. Неожиданный конец достигается изображением образа лирической героини, невзрачной, бесформенной, неяркой. Она как бы принижает себя перед ним, ярким и далеким. Подобное поведение характерно для человека с большой душой, тем самым она демонстрирует свои лучшие качества. В других трехстишиях на любовную тематику также присутствуют понятия вечности и мимолетности. Для лирической героини скоротечные секунды и минуты подобны вечности, становятся многозначными, дорогими. Она наслаждается теми небольшими промежутками времени, в которые ей удастся ощутить присутствие счастья. Для нее понятий «было» и «будет» не существует. Значимо только сейчас и теперь, именно данное мгновение. В тишине она погружается в свои мысли, размышляет о себе, своих чувствах, возлюбленном (Софронова, 2011, с. 95).

В трехстишиях А. Сосаева удачно использует образы, детали и символы чувашского фольклора: желтая зарница, круглое озеро, сундук с приданным. Они усиливают семантическое значение текста, придают ему национальный колорит, выражают связь лирической героини с миром предков.

Поэт и журналист Н. Мордяков пришел к трехстишиям через перевод стихов японских авторов. Первоначально он писал миниатюры, отмеченные визуальностью, графичностью, которые малым количеством слов напоминают восточные традиции. Поэт выражал в них восточную мудрость и реалии жизни чувашского народа. Недавно вышел сборник его хокку «Юр сийён кавар» («Угли на снегу», 2025). Сюда вошли произведения, представляющие собой «истинные» хокку, т. е. соответствуют восточному жанру и по форме, и по содержанию. Поэт сочетает словесный рисунок с музыкой, живописью, народной мудростью и традициями фольклора.

Трехстишия Н. Мордякова строятся на именных словах; глагол, такой необходимый для чувашского синтаксиса, заменен троеочиями или отглагольными существительными. Поэт изображает единство противоположных по смыслу понятий: лягушка и соловей (нелицеприятное и красивое), голая ветка и шум синиц (тишина и шум). Словесный рисунок передает определенный момент из жизни лирического героя, времени года. Поэт останавливает время и изображает его на бумаге:

Шур кёлет тавра  
Сарă тулă, вётё чул...  
Кăвакарчăнсем...  
(Мордяков, 2025, с. 28). /  
Вокруг белого амбара  
Желтая пшеница, мелкий камешек...  
Голуби...

Трехстишие наполнено красками: белый, желтый, голубой. Сам цвет не назван, но он подразумевается в названии птицы *кăвакарчăн* (голубь). В данном слове имеется указание на цвет – *кăвак* (голубой). Автор подбирает название птицы, в котором заложено наименование цвета, чтобы дополнить текст новым оттенком, не используя еще одно слово. Лирический герой восхищается сочетанием ярких красок, необычной красотой зимнего пейзажа. Уточнение о мелких камушках вводит неожиданный конец, развязку этому рисунку. Лирический герой осознает, что это не камушки, а голуби. Уточнение о камушках можно воспринять и по отношению к зернам пшеницы, ставшим твердыми от холода. В данном случае многоточие после слов голуби выражает сочувствие к ним в суровую погоду.

Хайку Н. Мордякова нередко строятся на созвучии звуков, что заменяет рифму и ритм в обычном стихотворении:

Кёр иртсессён – хёл...  
Кăсăя кётёвёнче  
Шăнчас тёпленчё...  
(Мордяков, 2025, с. 33). /  
После осени – зима...  
В стае синиц  
Приютился поползень...

В начале стихотворения выделяются звуки *к*, *х*. Здесь же есть звук *с*, который в заключительной части преобразовывается в звук *ш*, передающий впечатление теплоты от многочисленности птиц в стае. Поэт рассказывает о поведении поползней зимовать вместе с синицами, но создает произведение таким образом, что это воспринимается как рассказ о дружной стае, принимающей к себе одинокую птицу на зимовку, от чего становится немного грустно и тепло на душе.

Фольклоризм трехстиший Н. Мордякова проявляется в использовании образов и метафор, народной мудрости и примет:

Улăп уххине  
Йăтса куçать Тухăса  
Хур кайăк карти! (Мордяков, 2025, с. 19). /  
Лук Улыпа  
переносит на Восток  
Стая диких гусей.

Стая диких гусей ассоциируется с луком героя чувашских преданий великана Улыпа. Указание на Восток здесь не случайно. Эта часть света ассоциируется у народа с солнцем, страной светлого дня. Согласно легенде по млечному пути «Хур кайăк сүлэ» (дословно: дорога диких гусей или лебедей) души легендарных героев попадают в страну светлого дня. Птицы доставляют доспехи богатыря к месту его нынешнего пребывания. Как правило, богатырей хоронили вместе со всеми доспехами и оружием. В легенде о богатыре Чемене, к примеру, рассказывается, что его похоронили, одев в богатырскую одежду и усадив на коня.

## Заключение

Таким образом, восприятие традиций японского хокку в чувашской поэзии происходит поэтапно. Оно характерно для творчества поэтов 60-х, 90-х годов XX века и 2010-х годов. В творчестве П. Эйзина, С. Азамат

происходит стилизация под восточный жанр. Более поздние поэты, А. Сосаева и Н. Мордяков, создают «истинные» хокку, соответствующие канонам жанра и по форме и по содержанию. Стилизация П. Эйзина под жанр хокку проявляется в использовании малой формы, создании поэзии «отсутствия», сочетании словесного рисунка с живописью. Стихотворения С. Азамат соответствуют восточному жанру количеством строк, отсутствием рифмы, изображением единства противоположных понятий. Для автора не принципиально соблюдение количества слогов в трехстишии. Произведения А. Сосаевой и Н. Мордякова выражают национальное мировидение, сочетают своеобразие чувашского фольклора, в них анализируются взаимоотношения лирического героя с окружающим миром.

Соответствие поэтическим особенностям жанра хокку в творчестве чувашских авторов проявляется в использовании сезонных слов, изображении переходных периодов времен года, небольших и незначительных деталей, любовании красотой природы. Демонстрация единства противоположных понятий в трехстишиях нередко создает эффект неожиданного конца-финала произведения. Пейзажный рисунок передает настроение, переживание лирического героя, философское размышление о жизни.

Трансформация японского жанра в чувашской поэзии проявляется в преобладании прямого описания взаимоотношений человека и общества, изображении жизненных ситуаций, передаче дидактических наставлений и этнопедагогических умозаключений, демонстрации семантических особенностей чувашской лексики, использовании ассоциаций из чувашской мифологии.

Проведенное исследование показывает, что жанр японской поэзии хокку стал востребованным в чувашской поэзии. Он привлекает поэтов краткостью формы, ассоциативными образами, своеобразной лексикой. Наличие идентичных традиций в чувашском фольклоре делает его близким для авторов. Постижению канонов жанра способствует перевод, а также преднамеренное их изучение. Распространившееся в новом тысячелетии время созерцания и осмысления происходящего в культуре делает жанр хокку актуальным для многих литератур.

В перспективе дальнейших исследований находятся трехстишия М. Карягиной, Ю. Сана, И. Дмитриева-Трера. Выявлению национальной и авторской специфики указанных авторов может способствовать сопоставительное изучение их творчества с творчеством представителей региональных литератур.

## Материалы исследования | Research materials

1. Азамат С. Шахвартса: каларашсем. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт, 2010.
2. Мордяков Н. Юр сийĕн кавар: хоккусем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2025.
3. Сосаева А. Чун пуялăхĕн терчĕ... // Тăван Атăл. 2005. № 5.
4. Теветкель Н. П. «Чун ахахĕ пур...» // Тăван Атăл. 2005. № 5.
5. Эйзин П. Савни юриссем: савăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2003.

## Источники | References

1. Аминев В. Р., Нагуманова Э. Ф., Хабибуллина А. З. Сонет в инациональной рецепции татарских поэтов и переводчиков 1950-1980-х гг. // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. <https://doi.org/10.17223/24099554/20/7>
2. Бройтман С. Н. Хокку // Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2.
3. Загидуллина Д. Ф. Татарская литература XX – начала XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2020.
4. Ильина Н. Г. Чăваш лирики (1960-1990 сълсем): монографи. Шуашкар, 2013.
5. Кадочникова И. С. Современная поэзия Удмуртии: имена, тенденции, смыслы. М.: Шелест, 2021.
6. Кудрявцева Р. А., Старыгина Н. Н., Любимов Н. И., Никифорова К. Г. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллективная монография / сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2022.
7. Никифорова В. В. Литературный процесс середины 1980-х гг. – начала XXI в.: развитие чувашской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11-1. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.9>
8. Софронова И. В. Интерпретация традиций японского хокку в лирике А. Сосаевой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4-2.
9. Софронова И. В. Особенности краткостиший С. Азамат // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2.
10. Станьял В. П. Ытарлăн та, тĕррĕн те... // Асамат С. Шахвартса. Каларашсем. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт, 2010.
11. Хузангай А. П. Поиск слова: литературно-критические статьи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987.
12. Шибанов В. Л. Форма хокку в удмуртской поэзии // Этническая культура. 2022. Т. 4. № 3. <https://doi.org/10.31483/r-103316>

**Информация об авторах | Author information****RU****Софронова Ирина Владимировна**<sup>1</sup>, к. филол. н., доц.**Владимирова Ольга Геннадиевна**<sup>2</sup>, к. филол. н., доц.**Корнилов Геннадий Емельянович**<sup>3</sup>, д. филол. н., проф.<sup>1, 2, 3</sup> Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары**EN****Irina Vladimirovna Sofronova**<sup>1</sup>, PhD**Olga Gennadijevna Vladimirova**<sup>2</sup>, PhD**Gennady Yemelyanovich Kornilov**<sup>3</sup>, PhD<sup>1, 2, 3</sup> Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary<sup>1</sup> [muxtar2@yandex.ru](mailto:muxtar2@yandex.ru), <sup>2</sup> [vladolgen@yandex.ru](mailto:vladolgen@yandex.ru), <sup>3</sup> [gennkorn@rambler.ru](mailto:gennkorn@rambler.ru)**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 22.07.2025; опубликовано online (published online): 12.08.2025.

**Ключевые слова (keywords):** чувашская поэзия; традиции японского хокку; стилизация в поэзии; описание светлой грусти; любование красотой природы; Chuvash poetry; traditions of Japanese haiku; stylization in poetry; description of light sadness; admiration for the beauty of nature.